

ЛЕОНИД ШУВАЛОВ

НЕ ВЗЫВАЯ К ЗАКОНУ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Леонид Ю. Шувалов
Не взывая к закону
Серия «Сибирский
приключенческий роман»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36090701

Леонид Шувалов. Не взывая к закону : Вече; Москва; 2017

ISBN 978-5-4484-7284-8

Аннотация

Сибирь во все времена считалась богатейшим краем. Вот только климат здесь не слишком способствует произрастанию многих овощей-фруктов, поэтому и везли их из разных уголков необъятного Советского Союза. А там, где большие деньги, всегда найдутся желающие урвать кус себе. Длинным и сложным путем пришлось пройти оперуполномоченному ОБХСС майору Шелехову, чтобы разгадать все секреты, казалось бы, простого уголовного дела...

Содержание

Леонид Шувалов	4
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	23
ГЛАВА 5	29
ГЛАВА 6	36
ГЛАВА 7	40
ГЛАВА 8	45
ГЛАВА 9	49
ГЛАВА 10	54
ГЛАВА 11	56
ГЛАВА 12	64
ГЛАВА 13	73
ГЛАВА 14	80
ГЛАВА 15	85
ГЛАВА 16	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Леонид Шувалов

Не взывая к закону

Леонид Шувалов

Знак информационной продукции **12+**

© Шувалов Л. Ю., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

ГЛАВА 1

Над раскаленной лентой асфальта дрожало марево. Но на склоне, в тени старых грушевых деревьев, воздух был прохладен, а дующий с гор легкий ветерок освежал поблескивающие от пота лица завсегдатаев чайханы. Прохлада исходила и от журчащих между дастарханами арыков. Сладко дымили мангалы. Ненавязчиво сновал тощий, пропахший пряностями, дымом и запахом зеленого чая смуглый чайханщик. Размеренно и негромко, как рокоток попавшей в долину горной речушки, текла мужская беседа.

Махмуд Турсунов, услышав звук автомобильного двигателя, приподнялся на локте:

– Стасик! Это не Рустам приехал?

Выражение его полного, гладкого, как налитая черешня, лица не изменилось, хотя, ожидая младшего брата больше часа, он начал беспокоиться. Однако лицо Турсунова оставалось таким же безучастным и вялым. Впрочем, Махмуд-ака давно научился владеть своими чувствами. Даже в окружении тех немногих, кто был осведомлен о его двойной жизни, он всегда казался добрым, чуть ленивым дядюшкой, никогда не повышающим голоса и с чьим обликом совершенно не вяжутся резкие движения.

Молодой человек, которому был адресован вопрос, сидя на корточках, помешивал уже покрывшиеся белым налетом

угли, но, услышав голос Турсунова, поспешно встал, взглянул в сторону стоянки автомашин, куда только что приткнулась новенькая «восьмерка».

– Его «жигуль», – доложил он и, сдвинув на затылок расшитую серебром дорожную тубетейку, взъерошил белобрысые волосы. – Противоугонку врубает...

Турсунов покачал головой, слабо улыбнулся.

– Купил себе игрушку, забавляется. Кому нужен его «жигуленок»?.. Скажи хозяину, пусть еще чаю подаст.

Отгоняя надоедливую муху, Стасик шевельнул перебитым носом, подпернул на джинсах «молнию», стал молча подниматься по пологому склону туда, где виднелась белая куртка чайханщика, пританцовывавшего возле огромного казана.

Рустам Турсунов был моложе брата на пятнадцать лет, однако в свои сорок с небольшим выглядел почти его ровесником. Впечатление это усугублялось и поразительным сходством братьев: тугие щеки, крупные широкие носы, пухлые, чуть вывернутые губы. Но если в небольших глазах Махмуда пряталась хитринка, то Рустам смотрел на мир застенчиво и словно бы виновато.

Когда Стасик вернулся с большим керамическим чайником на подносе, братья, лежа на дастархане, негромко разговаривали. Поставив перед ними наполненные пиалы, он споро раздул угли и стал пристраивать над разгоревшимся жаром шампуры с мясом, нанизанным вперемежку с помидо-

рами, луком и курдючным салом.

Не обращая внимания на суету Стасика, Махмуд отпил из пиалы, внимательно взглянул на брата:

– Значит, все нормально?

– Вагон уже ушел... Я дожидался, пока подцепят тепловоз, поэтому и припоздал.

– Как себя ведет Сабитов?

Рустам пожал плечами:

– Как Равиль может себя вести?.. Сделал всё, как просили.

– Ты за ним приглядывай, трусливый он, – едва заметно поморщился Махмуд. – А трусливый шакал иной раз опасней легавой.

– Может, ставку ему увеличить?

– Обойдется, – расслабленно протянул Турсунов-старший. – Жирная овца тихо бегают.

Стасик подал братьям одуряюще пахнущие, сочащиеся жиром шашлыки, присел чуть в сторонке, тоже принялся сосредоточенно работать челюстями.

– Пивка бы... – мечтательно закатил он глаза. – Или суши-няка...

Махмуд проговорил с легкой иронией:

– Нельзя, Стасик. Ты же за рулем... После пивка на водку потянет, опять в какую-нибудь историю ввяжешься. На следующей неделе устроим тебе выходной. Отвезу в горы, там и пей.

– Без бабы? – скривился Стасик, как от зубной боли.

Махмуд вздохнул:

– Вот кобель, одно на уме... Ладно, возьмешь свою касиршу.

– В Ленинабад бы смотаться, – закинул удочку Стасик.

– Обойдешься, – проронил Махмуд.

Сказано это было с добродушной отеческой улыбкой, но, зная Турсунова-старшего не первый день, Стасик понял: клянчить бесполезно. Он сдержал вздох, сорвал с шампура последний кусок мяса, меланхолично закинул в рот. Внезапно его меланхолия испарилась, и он настороженно прислушался.

Мгновенно уловив эту реакцию на шум приближающейся машины, Турсунов-старший полюбопытствовал спокойным голосом:

– Что там, Стасик?

– Мент едет. Его уазик!

– Бог с ним, – шевельнул кистью руки Махмуд. – Едет, да и едет...

– Не люблю я их, Махмуд-ака... Как увижу, так и тянет в лоб дать, – осклабился Стасик, обнажая ровный ряд зубов, среди которых золотые преобладали.

– Горячий ты, а в нашем климате это вредно, – наставительно произнес Махмуд и, увидев поднимающегося к чайхане капитана милиции, негромко добавил: – Прикуси язык.

Оперуполномоченный Обиджонов снял фуражку, вытер взмокший лоб большим носовым платком. Посетители чай-

ханы почтительно закивали ему. Он сдержанно отвечал на их приветствия.

Турсунов-старший тоже привстал на дастархане:

– Селям-алейкум, Абдухамид-ака!

Обиджонову не было еще и тридцати пяти, но Махмуд умышленно прибавил к его имени уважительное «ака». Сухо ответив «алейкум-ас-салям», оперуполномоченный прошел мимо.

– Абдухамид-ака, – окликнул его Махмуд, – может, к нам присядете?

– Пожалуйста, – указывая на свободное место рядом с братом, попросил Рустам.

Обиджонов обернулся, сказал с вежливой улыбкой:

– Извините, тороплюсь.

Он поднялся к чайханщику, выпил пиалу холодного кумыса, легкими шагами сбежал к шоссе. Провожая его взглядом, Махмуд проговорил:

– Гордый... А ведь мы с его отцом в молодости друзьями были...

– Ментяра, – зло бросил Стасик.

Махмуд неодобрительно покачал головой, прицокнул языком.

ГЛАВА 2

Начальник отдела комплектации Землянский опустил на рычаг телефонную трубку, преувеличенно весело обратился к своим сотрудницам:

– Ну что, девочки, кто сегодня на товарную?! Вагончик раскредитовать надо.

Полная блондинка, словно не слыша столь бодрого обращения, склонилась над бумагами еще ниже, усиленно зашевелила серебристо-сиреневыми от помады губами.

На мгновение Землянский уперся взглядом в глубокую ложбинку между ее грудей, которая обозначалась всякий раз, когда девушка принимала позу человека, донельзя углубленного в свое занятие. Потом отвел глаза, мягко укорил:

– Тонечка... Не наблюдаю трудового энтузиазма.

Блондинка вспыхнула, будто услышала что-то очень обидное, быстро выпрямила спину.

– Вы же знаете, Борис Викторович, сколько у меня работы! – с искренним возмущением в голубых глазах воскликнула девушка. – И вообще, это не мой поставщик и не моя позиция! – И, как бы случайно, покосилась в сторону другой сотрудницы, которая после первых же слов Землянского принялась, не мигая, изучать его слегка размытый профиль.

Борис Викторович посмотрел на нее:

– Раечка...

Насмешливый прищур ее глаз заставил его невольным движением поправить модный, туго повязанный, несмотря на жару, галстук. Стараясь не глядеть на высовывающиеся из-под стола загорелые ноги сотрудницы, Землянский повторил:

– Раечка... На тебя вся надежда.

Она взмахнула неподкрашенными, но и без того густыми ресницами.

– Хотите сказать, что это мой поставщик и моя позиция?.. А мне помнится, в мои должностные обязанности не входит заниматься барабанами из-под кабеля... Или вы, Борис Игоревич, считаете, что кабельж по моей части?

Землянский истерично вскинул руки:

– Понятно! Вас ничего не волнует! Ни то, что вагон стоит-простаивает, ни то, что нашему управлению придется платить штраф! На интересы производства вам наплевать! Нельзя же так, нельзя! Мы сейчас должны перестраиваться, работать по-иному, инициативно! И перестраиваться надо прежде всего самому!

– Я и вижу, что перестроились, – со спокойным ехидством парировала Раечка. – Совсем себя освободили от дел... Удобно. Я, дескать, перестраиваюсь...

Землянский на секунду задохнулся, но тут же продолжил:

– Знаю, знаю! На начальника вам тоже наплевать! Авторитетов для вас нет! Можно подумать, я должен заниматься

возвратной тарой из-под кабеля! Как будто трудно съездить на товарную...

– Вот и съездите, – с холодной улыбкой сказала Раечка. – А не желаете сами, отдайте распоряжение подчиненным.

– Каким подчиненным?! – в запальчивости не понял Землянский.

– Нам с Антониной, – все с той же улыбкой на суховатом лице тридцатилетней женщины пояснила Раечка. – Вы же, Борис Игоревич, начальник...

Землянский поступил в управление производственно-технической комплектации, когда Раечка работала там уже второй год. Он сразу проявил себя деловым человеком: доставал для кого-то импортный кафель, моющиеся и фотообои, сногсшибательные унитазаы, помогал кому-то вывозить спальные гарнитуры, устраивал бочки для садовых участков, организовывал кубометры наидефицитнейшего бруса для строительства бань «а-ля рус». И стоило прежнему начальнику отдела уйти на пенсию, как освободившуюся вакансию предложили Землянскому, объяснив такое решение тем, что руководителем должен быть мужчина. Конечно, возглавлять отдел, в котором по штатному расписанию значатся всего лишь две единицы, – невелика честь, но Раечку это решение задело. И вовсе не потому, что обошли ее, дело в самом Землянском, чьи слова об интересах производства отнюдь не вязались с его действительными интересами. Доказывать, что выбор начальства пал не на ту фигуру, Раечка

не стала, ей это казалось неудобным, хотя про себя считала, что справилась бы с делом лучше, во всяком случае, честнее. Она тихо мстила Землянскому, при каждом удобном случае демонстративно выказывая ему свое пренебрежение.

Причины этой неприязни Землянский понимал. Понимал, что Раечка знает его как облупленного, и уже успел тысячу раз пожалеть о былой откровенности. И, понимая, опасался, что эта гордячка, этот синий чулок со смазливой мордочкой со свойственной ей идиотской прямоотой может навредить ему. Поэтому Землянский старался Раечку не задеть. Не хотелось терять пусть не очень престижное, но и не из самых худших место.

Тонечка с испугом слушала перебранку и ничего не понимала. В отделе она работает всего два месяца, устроилась сюда после окончания экономического факультета речного техникума. Училась заочно и все эти семь лет служила в каком-то НИИ секретарем-машинисткой, отчего испытывала к начальству искреннее почтение.

– Давайте я съезжу... – тихо предложила она.

Но Землянский уже стремительно распахнул дверь. Повернувшись, со всем сарказмом, на какой только был способен в тот момент, произнес:

– Благодарю покорно! Нынче модно всю работу навешивать на начальников! Пусть их...

Когда за ним захлопнулась дверь, Тонечка посмотрела на Раечку:

– Зачем вы его так?..

Она до сих пор обращалась к коллеге на «вы», хотя та была моложе ее и давно перешла на «ты».

– Ради хохмы! – ответила Раечка и добавила со смехом: – Ты, Антонина, завтра вообще без лифчика приди. Борьке это понравится. Он любитель...

Антонина покрасилась краской и, ничего не ответив, углубилась в бумаги.

Тем временем Землянский, выйдя во двор, окрикнул дремавшего в кабине «ЗИЛа» водителя:

– Подъем!

Тот неторопливо сел, встряхнул головой, запустил двигатель:

– Куда едем?

– На Алтайку, – забираясь в кабину,скомандовал Землянский.

Машина остановилась перед обшитой в «ёлочку» товарной конторой. Землянский прыгнул на землю, сказал:

– Жди здесь, я быстро.

В дверях конторы он столкнулся с выходящим на крыльцо невысоким парнем. Тот приветливо разулыбался:

– Игоревич! Здорово!

– Серега! – протягивая руку, с наигранным дружелюбием воскликнул Землянский. – Что-то давненько тебя не видно. Чего не появляешься-то?

– Я бы с удовольствием. Ты же путевки отмечаешь как надо, не жлобишься из-за тонно-километров. Но начальство все в другие места отправляет.

Землянский пообещал:

– Поговорю, чтобы тебя к нам занаряжали.

– Поговори, Игоревич, – благодарно приложил руки к груди водитель. – Надоело-о, жуть... Как в песне: «По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там»!

– Ладно, – хлопнул его по плечу Землянский, – побежал... А ты через пару деньков подскочи, потолкуем.

Пустив в ход улыбки и простые, но каждому приятные шуточки и комплименты, Землянский быстро решил все вопросы и уже направился было осматривать вагон, но обнаружил, что груз пришел в адрес другой организации, а не его родного УПТК:

– Вот черт, кажется, не наш...

– Что? – переспросила работница.

– Сейчас посмотрю, – отозвался Землянский.

Когда работница станции, толстая женщина в черном халате и домашних тапочках на босу ногу, не увидев его возле опломбированных дверей, окликнула: «Эй, получатель! Вы где?!» – Землянский немедленно появился из-за вагона.

– Все нормально! – сообщил он. – Пломбочки я проверил.

– Так будешь раскредитовывать?

– Естественно, – подхватив женщину под руку, зачастил Землянский. – Накладную сверил, все сходится. Наш вагон,

наш. Сейчас будем груз вывозить.

– Тогда давай по-быстрому! – шумнула женщина. – И так тебя без очереди пропустила, народ разворчится...

Как только женщина, покончив с формальностями, удалилась, Землянский вновь обежал вагон. Возле небольшого пролома в стене, где доска была выбита и сквозь дыру виднелись туго набитые, бугорчатые от содержимого мешки, он остановился, оглянулся и, как и в первый раз, втянул носом воздух.

– Лук, – выдохнул Землянский.

Он привстал на носки, просунул в щель руку, коснулся пальцами шершавой поверхности мешка:

– Лук!.. Черт побери, лук!..

Радость, звучащая в его голосе, была несколько наигранна, он пытался успокоить себя, что страшного ничего нет и не произойдет, что все останется незамеченным. Он понимал, что в вагоне с катушками из-под кабеля просто не должно, не может быть мешков с луком, и это успокаивало. Внутренняя дрожь, вызванная скорее даже не угрызениями совести, а ощущением легкой опасности, постепенно отпустила Землянского, и он стал прикидывать выгоды столь неожиданного открытия.

ГЛАВА 3

Лучи света, проникая сквозь застекленный купол рынка, серели, смазывались, и от этого даже цветы и фрукты на прилавках казались не такими яркими, какими должны были быть. Однако приглушенные тона плодов южных республик отпугивали покупателей в гораздо меньшей степени, чем цены. Но все же торговля шла бойко.

Лишь возле мраморного прилавка «Бюро добрых услуг» никого не было. Покупатели отсутствовали, поскольку аккуратная табличка за стеклом оповещала, что в настоящий момент продавец занят приемкой товара.

Продавец бюро Ситникова стояла в дверях складского помещения и с отрешенным видом наблюдала за тем, как два внешне неказистых аксакала в перепоясанных платками ватных халатах таскают увесистые ящики с виноградом. Лицо Елены, или, как ее называли постоянные обитатели рынка, – Элен, своей самоуглубленностью и обилием макияжа напоминало лица великих актрис за минуту до выхода на сцену. И так же обманчива была ее внешность. Ситниковой с равным успехом можно было дать и двадцать пять, и тридцать семь лет. На самом же деле ей недавно исполнилось двадцать восемь. Критический возраст. Тем более для женщины, дважды побывавшей замужем. Елена Николаевна вынесла из брачной жизни твердое убеждение, что ревнивый муж

причиняет много хлопот и сложностей. Нет, она не позволяла себе быть неразборчивой в связях, нет. Просто любила веселых и умеющих веселить мужчин. С ними она могла проводить время и не чувствовать угрызений совести, так как держала их на расстоянии и ловко уходила от навязчивых притязаний. Впрочем, бывали ситуации, когда уйти не удавалось. Бывали, когда и не хотелось. Поэтому в глубине души Елена понимала, что ревность и первого, и второго мужей не была лишена оснований. К выбору нового спутника жизни она решила отнестись более серьезно. Однако задача оказалась не из простых. Любителей провести время в обществе красивой и, несмотря на высокий рост и крупные формы, не лишенной грациозности женщины находилось немало. А вот таких, кто повел бы в загс, пока не обнаруживалось. Ситникову это настораживало, но не настолько, чтобы впасть в отчаяние. Она верила в свою звезду.

Думая о своем, Елена Николаевна не забывала отмечать в тетради вес и количество ящиков с виноградом. Почти все они уже выстроились в штабель.

– А это тебе, девушка, – приторно улыбаясь, с акцентом проговорил аксакал, который казался постарше. – Подарок Узбекистана.

Ситникова взглянула на весы, равнодушно повела плечами. Старик воспринял жест как согласие, снова разулыбался: – Когда деньги получать будем?

Томный взгляд Елены уперся в пространство. Она тихо

сказала:

– Здесь два ящика. А речь шла о трех.

– Э-э! Совсем грабишь! – возмутился старик. – Мы же виноград не в спортлото выигрываем! Ты так думаешь? Мы его растим, потом поливаем!

– Можете забрать и не пользоваться услугами нашего бюро, – спокойно отозвалась Ситникова. – Желающих много, а склад у меня не резиновый.

– Некогда нам, девушка, стоять за прилавком, – вмешался в беседу второй аксакал. – В колхоз возвращаться надо, председатель три дня дал...

Елена словно и не слышала. Молча повернулась, пошла в подсобку. Аксакалы оторопело переглянулись. Старший укоризненно поцокал языком, потом махнул рукой:

– Подожди! Куда пошла? Мы согласны.

Ситникова небрежно бросила через плечо:

– Подходи к окошку, квитанции выпишу.

– Деньги когда получим?

– Завтра в кассе...

Повеселевшие аксакалы получили квитанции и заспешили к выходу. Когда их согбенные фигуры исчезли за стеклянными дверями, Елена вышла в зал, пошарила взглядом по торговым рядам и, увидев за одним из прилавков хмурого поджарого парня, направилась к нему. Проходя мимо, кинула:

– Зайди.

Тот перепоручил торговлю соседу и вскоре заглянул на склад.

– Что-нибудь есть, да?

– Виноград. Три ящика, – ответила Елена Николаевна.

– Сколько хочешь, Элен? – осведомился парень.

Ситникова ровным голосом назвала сумму. Парень поморщился:

– Дорого...

– Твое дело, – развела руками Елена.

– Сбавь полсотни, да? – пристально взглянул он, не увидел в глазах Ситниковой ничего, кроме безразличия, и со вздохом полез в карман. – Только ради тебя, Элен...

– Ради себя, Рафик, – усмехнулась она. – Ты не в прогаре...

– Еще продать надо, – вручая тщательно отсчитанные купюры, проворчал парень.

Он ушел, а Елена Николаевна, уединившись в подсобке, не пересчитывая, запихала деньги в чистую банку из-под кильки в томатном соусе и положила ее в ведро с мусором. После этого сменила табличку «Прием товара» на другую – «Санитарный час». Глянув на себя в зеркальце, она удовлетворенно усмехнулась и пальцем разгладила морщинку возле уголка рта.

Возле желтого козырька телефона-автомата стояли несколько человек с такими озверевшими от жары и рыноч-

ной толчеи лицами, что Ситникова не решилась обратиться к ним с просьбой пропустить без очереди. Она отошла в сторону, вынула из кармана халата пачку сигарет, вытянув одну – тонкую, длинную, с коричневым фильтром, щелкнула газовой зажигалкой «Мальборо».

Очередь перед автоматом растворилась быстро. Набрал номер, Ситникова услышала знакомый голос:

– Отдел снабжения!

– Это я, – покосившись на прислушивающуюся к разговору старушку с зажатой в сухих пальцах двушкой, сказала Елена.

– Здравствуйте, здравствуйте, Федор Петрович! – разлился радушием голос на другом конце провода. – Как ваши дела? Накладные все подписали?

Когда собеседник назвал ее Федором Петровичем, на лице Ситниковой появилась ироническая гримаса. И хотя тот всегда в телефонных разговорах обращался подобным образом, лишь изредка варьируя имена и отчества, Елена не стала высказываться по поводу слегка раздражающей чрезмерной конспирации, коротко спросила:

– Поступил?

– На подходе, Федор Петрович, на подходе! – Собеседник кричал так громко, что Елена бросила еще один взгляд на старушку, плотнее прижала трубку. – Думаю, решим ваш вопрос! Поможем как-нибудь родственному тресту! Все мы люди, все человеки, должны помогать! – продолжал собесед-

ник.

– Когда? – перебила его Ситникова.

– На подходе!

– Как поступит – звоните, – сказала Ситникова и повесила трубку.

Вернувшись в киоск, она сняла табличку, с вежливой улыбкой принялась обслуживать подоспевших к открытию покупателей. Людям было приятно видеть перед собой милостивую обходительную продавщицу, которая обслуживала быстро и к тому же сообщала вес покупки лишь после того, как стрелка весов прочно замирала на каком-нибудь делении. Елена Николаевна не имела мелочной привычки обвешивать.

ГЛАВА 4

Крупноносое, изрезанное причудливыми бороздами морщин лицо начальника отдела снабжения Ефимова осветилось самой благожелательной улыбкой. Он провел по голове двумя ладонями, словно легким массажем хотел придать голому черепу более правильные очертания, поднялся навстречу нерешительным гостям, замершим у порога его маленького кабинетика.

– Проходите, любезные... Прошу! Прошу! – чуть растягивая слова, пригласил он хриплым баском. – Очень рад!

Он и на самом деле обрадовался, увидев физиономии посланцев бригадира шабашников. Когда тот позвонил накануне и сказал, что ему вырезали аппендицит и он лежит в больнице, Ефимов заподозрил недоброе и долго не соглашался иметь дело с кем-нибудь другим. В звонке было что-то необычное, и Ефимов побоялся, не ведет ли бригадир двойную игру, не подцепил ли его ОБХСС и не сдал ли он Ефимова со всеми потрохами. Однако сейчас, глядя на простодушные лица вошедших, успокоился. Он любил вести дела с такими вот робкими дилетантами. Рассуждал примерно так: во-первых, это гарантировало, что они пришли не по заданию сотрудников ОБХСС, во-вторых, на них всегда проще оказать давление и получить за свою услугу наибольшую выгоду, так сказать, повесить КПД услуги.

– Насколько я понимаю, фамилии ваши – Трошин и Дмитрук? – продолжая одаривать их улыбкой, спросил начальник отдела снабжения.

– Моя – Трошин, его – Дмитрук, – скованно пояснил скуластый мужчина, кивнув на своего напарника.

– Слушаю вас. – Ефимов изобразил напряженное внимание.

– Мы по поводу уголка и труб... – сказал Трошин. – Вам звонили...

Его напарник полез было в карман пиджака, но Трошин остановил его взглядом, выжидающе посмотрел на хозяина кабинета. Тот развел руками:

– М-да... Сложно нынче с этими позициями... Сложно... Вам же ни много ни мало, а двадцать тонн подавай...

Дмитрук подобострастно улыбнулся, отчего его маленькое загорелое лицо стало похожим на обезьянью мордочку:

– У нас письмо есть от совхоза, агропром резолюцию наложил. – Он помялся и, тушуясь, добавил: – И прочее...

– Понимаю, понимаю, – задумчиво произнес Ефимов, щелкнув клавишей вентилятора, и, сощурившись от приятно освежающего потока воздуха, негромко сказал: – Бригадир вам разъяснил условия?

Догадавшись по тону вопроса, что имеется в виду, Трошин кивнул:

– Тысяча.

Ефимов выключил вентилятор, приложил к уху сложен-

ную лодочкой ладонь:

– Сколько?!

– Тысяча рублей, – вместо Трошина пояснил Дмитрук тонким голосом.

Ефимов откинулся на спинку кресла, долго и обиженно смотрел то на одного, то на другого. Потом с еще большей обидой сказал:

– Милые вы мои, вы что?.. Насмехаетесь надо мной или бригадира решили вокруг пальца обвести?.. Разве это деловой разговор?

Трошин и Дмитрук непонимающе переглянулись.

– Чего нам насмехаться? – нехотя сказал Трошин.

– Не насмехаетесь? – наигранно удивился Ефимов и, словно только сейчас осознав, что произошла какая-то нелепая ошибка, потряс в воздухе рукой: – Речь шла о двух тысячах! Вы перепутали, милые мои, перепутали.

– Бригадир говорил – тысяча, – набычился Трошин.

– Да, да, – подтвердил Дмитрук. – По полсотни за тонну...

Ефимов устало вздохнул...

– Как будто я для себя прошу... Резолюция главного чего-то стоит... Начальник тоже не бесплатно закроет глаза на отпуск дефицитного фондового металла... Крановщик, и тот за так грузить не станет... Жаль, что мы с вами не нашли общего языка, жаль... Извините, товарищи, мне работать нужно. Голова кругом идет. Лето! Одному трубы, другому уголок, третьему вентиля... Простите, ради бога...

– Нам же объект сдавать надо, аккорд накрывается! – умоляюще сложил на груди руки Дмитрук.

Ефимов сокрушенно и сочувственно закачал головой:

– У всех объекты, у всех сроки... Не могу, ничем не могу...

– Пошли! – сердито дернул приятеля Трошин.

Тот улыбкой дал понять, что извиняется и за себя, и за друга, направился за ним следом к двери. Чтобы огладить возникшее напряжение, Ефимов привстал и доброжелательно проговорил:

– Вы уж не обессудьте... Если надумаете, я еще час-другой на месте...

Трошин обернулся:

– Две – это окончательно, больше никаких расходов не предвидится? А то мне с книжки снимать...

– Что вы?! – воскликнул Ефимов. – Мне лишнего не надо. Как договаривались с бригадиром... Значит, жду вас?

– Через час придем, – сказал Трошин.

Ефимову показалось, что он увидел недобрый огонек в его глазах, но отогнал эту глупую мысль и, когда дверь за шабашниками закрылась, принялся названивать по телефону.

Трошин и Дмитрук шли молча. Только пройдя почти два квартала, Трошин со злостью резанул:

– Вот змей лысый! Две штуки заломил!

– Может, они с бугром так договорились? – примиритель-

но сказал Дмитрук.

– Я же не глухой! Тысячу от двух отличить могу... – возмущенно проговорил Трошин. – Надоело! Горбатимся, как проклятые, от зари до зари, семьи толком не видим, а потом этим козлам, что подписи ставят, почти треть башлей отваливаем!..

– Да ладно тебе, – протянул Дмитрук. – Все одно хорошо заколачиваем, на заводе по штуке в месяц хрен получишь... Не обеднеем. Давать-то все равно придется, иначе аккорд лопнет...

– Так этот змей знает, что нам некуда деваться, вот и дерет!

– Пользуется своей властью, – поддакнул Дмитрук.

Трошин остановился так внезапно, что его приятель даже растерянно взглянул, не наткнулся ли тот на какое-то препятствие.

– Не на тех напал! – с прежней злостью проговорил Трошин. – Айда в милицию!

– Ополоумел?! – испуганно отпрянул Дмитрук.

– Да сколько с нас можно шкуру драть! Не своим, что ли, хребтом зарабатываем, чтобы всяким паскудам отдавать? Пошли!

– Самих же и посадят!

– Это за что? – хмыкнул Трошин.

– Тысячу-то дать собирался, – язвительно напомнил Дмитрук.

– А мы про то не скажем.

Дмитрук посмотрел недоверчиво:

– А как на бугра выйдут?

– Он не дурак. И Ефимов этот язык будет за зубами держать.

Дмитрук забежал вперед, попросил:

– Слушай, ну ее к лешему, милицию! Пойдем, сунем эти две штуки и спокойно закончим работу, а?

Трошин обошел его, зашагал широкими шагами. Приостановившись, бросил:

– Один пойду!

Дмитрук послушно поплелся следом.

ГЛАВА 5

Старший оперуполномоченный Шелехов зашел в дежурную часть. Вид у него был такой, словно он заглянул сюда мимоходом: поговорить о погоде, спросить у сидящего за пультом капитана о настроении, перекинуться новостями. Но небольшие, близко посаженные глаза Виктора Григорьевича хоть и вскользь, но цепко окинули переминающихся в нерешительности мужчин.

Они стояли у окна и старались не смотреть друг на друга, как малознакомые люди, оказавшиеся один на один в узкой кабине лифта и не знающие, стоит ли здороваться или удобнее отделаться молчанием.

Облокачиваясь на пульт, Шелехов поинтересовался:

– Соскучились без меня?

Дежурный, не отрываясь от журнала, куда вносил какую-то запись, ответил:

– Безумно... Вот двое граждан пришли. Как раз по твоему ведомству заявление сделать желают. Ты, Виктор, поговори с ними...

Только закончив фразу, он поднял голову и кивнул на мужчин. Те разом поглядели на оперуполномоченного, потом на дежурного. По их лицам было видно, что невысокая шуплая фигура Шелехова, который к тому же был не в форме, а в светлом костюме спортивного покроя, не вызвала в их

душах особого доверия. Догадавшись о причинах заминки, дежурный строго сказал:

– Ваше заявление я зарегистрировал. Все дальнейшие вопросы решайте с товарищем майором.

Шелехов невольно улыбнулся, уж очень озадаченно уставились на него мужчины.

– Не похож? – спросил он.

Не дожидаясь ответа, взял у дежурного написанное старательным почерком заявление, пробежал глазами, глядя на мужчину, который смотрел смелее, предложил:

– Не возражаете, если мы сначала с вами побеседуем, а потом с Дмитруком? Пройдемте в мой кабинет.

Трошину стало не по себе от пронизательности майора и его немигающего взгляда. Неприятным ему показался и жидкий кок черных волос Шелехова. Словно желая исправить впечатление, оперативник коротким движением пригладил волосы, улыбнулся мягче:

– Пойдемте.

В кабинете он усадил Трошина напротив своего стола, попросил рассказать, как все произошло. Тот с удивлением уловил в его голосе доброжелательные интонации, ответил с видным облегчением:

– Дурацкая история... Стыдно даже идти было... Короче, мы в одном совхозе подрядились элеватор строить...

– Подрядились? – негромко переспросил Шелехов.

– Бригада у нас... строительная.

– По договору работаете?

– Ну да, – подтвердил Трошин и поморщился: – Если хотите, калымщики мы...

– Пока у меня нет оснований вас осуждать, – спокойно отреагировал Шелехов.

Трошин дернул плечом:

– Да я так... Многим почему-то кажется, что мы только и думаем, как бы у государства урвать, как бы объегорить... Короче, со стройматериалами трудно...

– У совхоза фондов нет, – подсказал Шелехов.

– Ну да... – кивнул Трошин. – Вот наш бригадир и договорился в монтажно-наладочном управлении «Сибспецмонтаж» насчет уголка и труб... А сам, значит, в больницу попал с аппендицитом... Нам поручил съездить. Дозвонились мы до этого Ефимова, на сегодня встречу назначили... Пришли... А он, зараза, с нас две тысячи запросил... Вот мы и подались к вам... Чтобы, значит, пресечь подобное безобразие...

– Две тысячи? За сколько же тонн?

– За двадцать...

– Дороговато, – покачал головой Шелехов. – А бригадир сколько сказал дать?

Трошин на секунду замер, на его скулах заиграли желваки, но тут же ответил:

– Нисколько... С чего вы взяли?!

Взгляд Шелехова стал колючим. Но губы растянулись в

добродушной усмешке:

– Вы мне всю правду рассказываете?

– Всю, – стараясь смотреть в пол, ответил Трошин.

Поднявшись из-за стола, Шелехов резкими короткими шагами пересек кабинет, выглянул в коридор и пригласил Дмитрука зайти. Когда тот осторожно переступил порог, Шелехов неожиданно обернулся к Трошину. В этот момент Трошин, расширив глаза, пытался жестами что-то объяснить своему приятелю.

– Вы скажите вслух, а то он не понимает, – укоризненно произнес Шелехов.

Лицо Трошина покрылось пятнами, и он тихо проговорил:

– Мне в коридоре побывать?

Оказавшись с оперуполномоченным один на один, Дмитрук нервно провел по щеке ладонью, принялся тереть мочку обгоревшего на солнце уха.

– Успокойтесь, пожалуйста, – сказал Шелехов. – Вы же сами пришли в милицию, и, насколько я понимаю, с самыми благими намерениями.

Дмитрук поспешно кивнул, облизнул губы.

– Итак, что вы должны были передать Ефимову от бригадира?

– Передать? – быстро переспросил Дмитрук, косясь на дверь, за которой скрылся его напарник. – Что они вроде договаривались насчет уголка и труб...

– Все? – сухо спросил Шелехов и жестче добавил: – Не стоит лукавить.

– Я и не лукавлю!.. Насчет уголка и труб. А за помощь... тысячу... – начав фразу на искренних нотах, он закончил угасшим голосом: – Правда, только это и должны были передать...

– Именно тысячу?

– Ни копейки больше...

– Не ошибаетесь?

– Да что вы? Бригадир так и сказал: тысячу отдадите, как только Ефимов наряд на отпуск оформит.

– Деньги бригадир вам дал?

– Не-ет, – протянул Дмитрук. – Он же в больнице... Сказал, скиньтесь, потом зачем... Мы поэтому и возмутились, когда Ефимов про две тысячи заговорил... Их же взять где-то надо!

Шелехов задумчиво потер подбородок, испытующе глянул:

– Что вы ответили Ефимову?

– Сказали, что подумаем... Через час придем... А сами, значит, к вам, в милицию...

– А если бы он удовлетворился тысячей? – оторвался от записи объяснений Дмитрука оперативный уполномоченный.

Дмитрук потупился, ответил уклончиво:

– Не знаю...

– Значит, вы утверждаете, что должны были, согласно предварительной договоренности между бригадиром и Ефимовым, передать последнему взятку в сумме одной тысячи рублей?

– Утверждаю, – почти шепотом подтвердил Дмитрук.

Шелехов обескураженно прикоснулся указательным пальцем к кончику своего тонкого носа:

– А вот Трошин утверждает, что не надо было передавать никаких денег, дескать, полюбовно договорились...

Дмитрук бросил затравленный взгляд на дверь кабинета, будто хотел сквозь нее увидеть лицо своего приятеля, чуть слышно спросил:

– Как?

– Да, да, – кивнул Шелехов.

– Должны были дать! – с отчаянной храбростью категорически заявил Дмитрук. – Должны.

Шелехов пригласил в кабинет Трошина. Дал обоим мужчинам по чистому листу бумаги, немного помолчал.

– Теперь каждый из вас очень подробно изложит содержание разговора с бригадиром, – глядя на них, веско сказал он. – После этого беседу с Ефимовым... И не забудьте упомянуть про тысячу рублей.

Трошин недовольно покосился на Дмитрука, обреченно вздохнул:

– Не забудем...

– Ну и слава богу, – весело сказал Шелехов. – А я буду,

как учитель в школе, следить, чтобы вы работали самостоятельно и не списывали друг у друга...

ГЛАВА 6

Землянский выбежал со двора товарной станции, зашарил глазами по рядам автомашин, а когда увидел, что «КамАЗ» с длинным кузовом все еще стоит на взгорке, чуть не подпрыгнул от радости.

Увидев приближающегося стремительными шагами Землянского, водитель широко распахнул дверцу, свесился из кабины:

– Случилось что-нибудь, Игоревич?

– Серега, выручай! Груз вывезти надо! – вскакивая на подножку, проговорил Землянский.

– Ты ж вроде на машине приехал? – недоуменно посмотрел на него Сергей и качнул головой в сторону стоящего метра в тридцати «ЗИЛа».

Землянский немного помедлил, потом доверительно подался к водителю:

– Тут, Серега, такая история... Вагончик лука надо перевезти. Сам понимаешь, на той колымаге это долго будет, да и водила тот – лишние глаза и уши...

Сергей задумчиво почесал в затылке, достал мятую пачку сигарет, закурил. Землянский понял его замешательство, тихо сказал:

– Выручай, Серега... Не обижу...

– Мне ящики надо на базу отвезти, – проговорил Сергей,

указывая на кузов.

На лице Землянского появилась досада. В сердцах он бросил:

– Сказал же, не обижу!

– Добро, – стукнув рукой по панели, согласился Сергей. – В темпе слетаю на базу, и все провернем в лучшем виде. Годится?

Землянский приободрился:

– Только побыстрее, а?

– Говорю же, в темпе! – хохотнул Серега. – Жди, Игоревич!

– Тогда я «зиллок» отпускаю и иду грузчиков искать, – хлопнул его по плечу довольный Землянский.

– Все будет хоккей! Надейся и жди! – захлопывая дверцу, крикнул Сергей.

«КамАЗ» сердито рыкнул и, обдав Землянского черными, вонючими клубами отработанного газа, решительно сорвался с места.

Землянский направился к «ЗИЛу», объяснил водителю, что придется долго заниматься здесь переадресовкой вагона, и отпустил его. Теперь предстояло найти грузчиков...

Землянский долго и безрезультатно метался между вагонами, пока наконец не наткнулся на живописную группку мужчин в выдавшей виды одежде. Они с самыми скучающими физиономиями полулежали среди высокой травы, густо

разросшейся в дальнем конце тупика, курили, подставляя солнцу бледные, не поддающиеся загару лица.

Не успел Землянский остановиться, как один из них, почесав пятерней грудь, осведомился:

– Куда разбежался, командир?

Нимало не смутившись таким приемом, Землянский бодро воскликнул:

– Мужики, кто заработать хочет?

По лицам мужиков скользнула тень интереса. Они ненавязчиво оглядели облаченную в хорошо сидящий костюм щуплую фигуру Землянского, задержали взгляд на новеньких импортных туфлях.

– Все хотят, – индифферентно ответил мужчина с затекшим сине-фиолетовым глазом. – Только деньги сейчас не в почете... Опохмелиться бы сначала...

– Я ведь не напрашиваюсь, – довольно резко сказал Землянский и чуть мягче добавил: – Я заплачу, а что вы будете делать с деньгами – забота ваша...

Тот, что чесал пятерней грудь, присел на корточки:

– Ты не шуми... Чего грузить-то надо?

– Лук... Только мне будет достаточно двух человек.

Мужчина поднялся:

– Пойдем побазарим...

Они отошли в сторону, переговорили. Мужчина позвал другого, с заплывшим глазом:

– Дохлый, пошли косточки разомнем.

– Слышь, Авдей, может, подсобить? – подал голос молодой парень с рыхлым и пропитым безбровым лицом.

Авдей беззлобно отшил его:

– Перетопчешься... Башли лучше на двоих раскидывать...

– Было бы предложено, – хмыкнул парень, опрокидываясь на спину и закидывая ногу на ногу.

Землянский объяснил новоиспеченным грузчикам задачу, сказал, где они должны дожидаться, и отправился к стоянке автомашин.

ГЛАВА 7

– Где же это вы пропадаете?! – по-дружески пожурил появившихся в его кабинете Трошина и Дмитрука начальник отдела снабжения. – Я, можно сказать, все вопросы урегулировал, а их нет и нет...

– Очередь в сберкассе, – буркнул Трошин.

– Ну да ладно, ладно, – примирительно сказал Ефимов. – Вы с машиной или еще искать будете?

Дмитрук бросил на напарника испуганный взгляд, но Ефимов не обратил на это внимания, так как принялся выписывать наряд на отпуск уголка и труб.

Трошин снова пробурчал:

– С машиной.

Интонации его голоса придавали Ефимову хорошего настроения, поскольку он отнес их за счет вполне объяснимого и естественного нежелания расставаться с двумя тысячами рублей, половина из которых, по словам Трошина, до этого преспокойно лежала на сберкнижке и медленно, но верно распухала от ежегодных двух процентов. Ефимов поднял трубку внутреннего телефона, набрал номер склада!

– Зиночка, ты на месте?.. Сейчас к тебе подойдут два представителя совхоза... Да... Надо им отпустить уголок и трубы...

Закончив разговор, он опустил трубку на рычаг, посмотрел

рел на Дмитрука:

– Можно грузиться... Крановщику передадите, что Аркадий Владимирович распорядился...

Трошин поймал вопросительный взгляд своего приятеля, хмуро произнес:

– Чего сидишь, иди... Остальное без тебя сделаем.

Дмитрук послушно выскользнул за дверь.

– Сейчас нарядик подпишем, и готово, – оживленно потирая руки, почти пропел Ефимов, поднялся из-за стола: – Вы здесь посидите, я сейчас...

Оперуполномоченный Шелехов стоял возле кассы с двумя сварщиками, приглашенными в качестве понятых. Они присутствовали при том, как оперативник переписывал номера и серии купюр, которые вскоре были возвращены Трошину, но знали лишь то, что деньги будут переданы кому-то, а кому – им не сообщили. Поэтому они не обратили внимания на прошествовавшего мимо них по коридору начальника отдела снабжения, а Шелехов, заметив его, предусмотрительно отвернулся и сделал вид, что изучает расписание выдачи зарплаты.

Ефимов тоже не обратил внимания на эту группу, так как зрелище ожидающих подле кассы было привычным и не настораживало. Он зашел в приемную, кивнул на дверь начальника управления, спросил у девушки-секретаря, поглощенной созерцанием свежего лака на собственных ногтях:

– У себя?

Девушка хищно пошевелила пальчиками:

– Конечно...

– А главный? – спросил Ефимов, указывая на другую дверь.

– На месте.

Ефимов на секунду задумался, напоминая в это мгновение печально известного Буриданова осла в довольно ответственный момент своей короткой и столь трагично окончившейся ослиной жизни. Но, в отличие от того, все-таки принял решение.

Выражение лица, с которым начальник монтажно-наладочного управления изучал газету, сразу не понравилось Ефимову, и, когда тот поднял голову, Аркадий Владимирович удивленно перекосил брови:

– Извините... Мне сказали, главный у вас...

Вместо ответа начальник сердито бросил:

– Вы что-нибудь думаете с электродами?! Меня Колыванский участок уже заколебал, им работать нечем.

– Не только думаю, но и отправил сегодня утром, – заверил Ефимов. – Лично на электродный завод ездил, выбивал... Я вам больше не нужен?

– Нет, – возвращаясь к газете, сказал начальник.

Ефимов вышел, осторожно прикрыл за собой дверь. Пересек приемную и, войдя к главному инженеру, наигранно удивился:

– Начальник не у вас?

– Н-нет... – отозвался главный инженер, растерянно поправляя очки.

Ефимов вздохнул:

– Жаль... Вчера с ним разговаривали по поводу одного наряда на отпуск фондового металла... Люди приехали, ждут... Может, вы подпишете?

Главный инженер взял документ, прочитал, завертел в руках:

– Не многовато?.. Как бы нас народный контроль не прижучил...

Ефимов пожал плечами:

– Как хотите... Инициатива не моя, они с начальником решали. Кажется, обещали справки на сено дать... И вообще, мало ли... Может, когда за мясом в столовую обратимся... Все-таки совхоз.

– Помочь-то надо, – все еще раздумывая, вздохнул главный инженер. – Но как бы чего не вышло...

Ефимов сделал вид, что ему все равно – подпишет главный бумагу или не подпишет. Тот посмотрел на него снизу вверх, вдавил сползшие очки в переносицу и размашисто начертил резолюцию.

Получив желаемое, Ефимов перевел дух. По коридору он шагал бодрыми, уверенными шагами, так как прекрасно знал, что из-за присущей главному инженеру робости перед начальством тот никогда не станет выяснять, была ли ка-

кая-нибудь договоренность с совхозом или нет. От ощущения, что дело решено, Ефимов пришел в приподнятое состояние. Даже его лысый череп победно поблескивал, словно испытывал гордость за свою ловкость.

Не успел начальник отдела снабжения переступить порог своего кабинета, как Трошин полез в карман. Ефимов остановил его жестом, с добродушной миной предложил:

– Не сменить ли нам воду в аквариуме?

– Чего? – недоуменно выпучился Трошин.

Ефимов усмехнулся, многозначительно пояснил, в душе забавляясь непонятливостью собеседника:

– На первом этаже имеется заведение, обозначенное литерой «М» и «Ж»... Нам с вами, в силу природных особенностей, надо в «М»...

– А-а-а... – сообразил Трошин.

– Я вам наряд, вы мне... И все дела.

ГЛАВА 8

На душе у Землянского было тревожно. Сергей отсутствовал уже второй час. Несколько раз подходил Авдей, спрашивался, долго ли им сидеть без дела. Землянский мерил шагами небольшой пяточок, на котором скопилось много машин. Ему начало казаться, что водители, дремлющие в кабинах, стали обращать на него внимание, и от этого он нервничал еще больше.

Наконец знакомый «КамАЗ» вырулил на площадку.

– Заждался, Игоревич? – виновато скривился Сергей. – Прости уж, кое-как выкрутился...

Землянский сдержал готовые вырваться резкие слова, похлопал водителя по предплечью:

– Время поджигает, Серега, время... Придется тебе помочь с погрузкой.

– Какой разговор?! – протянул водитель, который тоже уже начал нервничать и, честно говоря, боялся, что Землянский не дожидается его появления и верный приработок уйдет кому-то другому. – Сделаем!

Подогнали машину к вагону прямо задним бортом. Подошли Авдей и Дохлый.

– Ну что, мужики, с богом! – азартно проговорил Землянский, скидывая пиджак.

Дохлый скептически ухмыльнулся:

– Ты бы, того, покурил... Чего суетиться. Мы сами.

Землянский снял галстук, закатал рукава рубашки:

– Не бойсь! То, что вам положено, – получите!

– Твое дело, – равнодушно отозвался Дохлый.

– Ладно, поперли! – оборвал его Авдей и подошел к двери.

Когда она с противным скрипом сдвинулась в сторону, Авдей озадаченно уставился внутрь вагона:

– Катушки из-под кабеля?.. Что к чему?.. Сроду не видел, чтобы лук вместе с катушками перевозили...

Среди плотно уложенных мешков с луком действительно виднелись два порожних барабана. Землянский на мгновение замер, что-то прикидывая, потом скомандовал:

– Серега! Залазь в кузов, будешь укладывать. Вы, мужики, подносите, я подаю из вагона.

Землянскому редко приходилось самому заниматься погрузкой, но он специально не стал нанимать никого, кроме этих двух мужиков, чтобы избежать лишних глаз. Посчитал, что ради такого случая не грех и погнуть спину. В том, что эти двое не будут зря болтать языком, Борис Игоревич был уверен. Убеждали написанные на их лицах и вытатуированные в виде перстней на пальцах сведения о прошлых судимостях.

За работу Землянский взялся активно, прикрикивал, подбадривал грузчиков. Однако они не реагировали на его замечания и, как казалось Землянскому, передвигались, словно в полусне. Ни разу не прибавив шагу, не делая ни одно-

го лишнего движения, они молча и угрюмо таскали мешки. Правда, вскоре Землянский почувствовал, как пересохло у него во рту, как противно подрагивала каждая мышца, когда он брался за очередной мешок, как начали слабеть пальцы, а Авдей и Дохлый продолжали передвигаться с той же методичностью, будто были не людьми, а заведенными механизмами. Подгоняемый их неумолимым появлением, Сергей скинул рубашку и чуть не бегом метался по кузову, едва успевая укладывать мешки.

– Перекури, командир, – насмешливо бросил Авдей, принимая мешок из рук запарившегося Землянского.

Сказано это было между делом, но тому показалось, что его уличили в чем-то постыдном. Закусив губу, он заработал еще быстрее, хотя ноги стали совсем чужими и даже уже не дрожали.

– Шабаш! – крикнул Сергей. – Не войдет больше!

Землянский обессиленно вытер лоб рукавом, спрыгнул на землю и, пошатываясь, направился к кабине. Грузчики спрятались в тень вагонов, закурили. Сергей достал голубую пятилитровую канистру, хлебнул, передал Землянскому:

– Освежись, Игоревич, полегчает.

Тот молча кивнул. Долго пил.

– Куда повезем? – спросил Сергей.

– Мой гараж знаешь? – возвращая канистру, вопросом ответил Борис Игоревич.

– Блоки туда же с ЖБИ я возил.

– Вот туда и повезем.

Сергей мотнул головой в сторону кузова:

– Мешки-то все войдут?

– Три этажа, – коротко бросил Землянский.

– Тогда должны... – раздумчиво согласился водитель и

поинтересовался: – Мужиков брать будем?

– Одного, – сказал Землянский, потом позвал: – Авдей!

– Чего, командир? – вразвалку приблизился тот.

– Поедешь с нами.

– Как скажешь, командир, – ответил Авдей, забираясь в кузов.

ГЛАВА 9

Когда Ефимов скрылся в своем кабинете, оперуполномоченный Шелехов глухо проговорил:

– Сейчас, товарищи понятые, должна состояться передачи взятки. Ваша задача – зафиксировать, что деньги, номера которых мы вписали, будут изъяты у вашего начальника отдела снабжения...

– У кого? – возмущенно переспросил сварщик, который был почти на голову выше Шелехова.

– Не кричите! – оборвал тот. – У Ефимова.

– Вот скотина какая!.. Нас все время поддевает, что мы курим, а «восьмерки» идут... Сам-то!..

– Успокойтесь, – еще строже сказал Шелехов и улыбнулся: – Служенье муз не терпит суеты...

Появление в коридоре Ефимова и Трошина было для оперуполномоченного неожиданным. Он рассчитывал, что Трошин выйдет один. Шелехов насторожился, но больше всего обеспокоило его поведение понятых, которые прямо-таки поедали Ефимова свирепыми взглядами. Трошин тоже почувствовал возникшее напряжение, чуть приотстал и незаметно развел руками.

Одними губами Шелехов осадил понятых:

– Не дергаться!

Ефимов и Трошин скрылись за поворотом. Шелехов вы-

ждал несколько секунд, устремился следом:

– Теперь пошли.

Громко топая тяжелыми ботинками, шурша брезентовыми робами, понятые поспешили за ним. Сбежав по лестнице, Шелехов успел увидеть спину Трошина, входящего в туалет.

По губам оперативника скользнула улыбка, он подмигнул понятым:

– Кажется, больше не придется бегать.

Рослый сварщик процедил:

– Место-то подходящее выбрал, самое дерьмовое...

– Там сколько кабинок? – уточнил Шелехов.

– Одна.

– Это упрощает нашу задачу, – самому себе сообщил оперуполномоченный.

Дверь туалета открылась довольно быстро. Трошин показал Шелехову и понятым подписанный наряд на отпуск уголка и труб, буркнул:

– Взял.

Шелехов потянул на себя ручку двери, но она не поддавалась. Ефимов заперся изнутри. Рослый сварщик отодвинул оперативника, дернул так, что шурупы вылетели, а ручка оказалась в огромной ладони сварщика. Тогда он затарабанил кулаком по двери:

– Эй, ты, пакостник, открывай!

– Откройте, Ефимов! – подал голос Шелехов.

Услышав эти голоса, Ефимов застыл, его лицо исказила

гримаса отчаяния. Дверь продолжала сотрясаться, и он смотрел на нее, как на живое существо, которое вот-вот набросится и покусает. Он дернул в руках пухлый от денег конверт, словно можно было прикрыться им от того, что сейчас происходило. Ефимов пытался успокоить себя, мысленно уверяя, что эти голоса за дверью, эти удары – причудились ему, что ничего не произошло, он сейчас выйдет, поздоровадается с шутниками и вернется в кабинет целым и невредимым.

– Откройте, Ефимов! – проговорил Шелехов. – Вы задержаны с поличным!

– С поличным? – прошептал Ефимов, натываясь взглядом на конверт. Произнесенная им же самим фраза разрушила всякую надежду на то, что это кошмарный сон, а не реальная действительность.

– С поличным! – снова прошептал Ефимов, и его глаза заметались в поисках какой-нибудь щели.

Но туалет был отремонтирован совсем недавно и издевательски блестел ослепительно-голубыми кафельными плитками. Ефимов сделал осторожный шаг. В этот момент погас свет. Стало так темно, что он не мог даже рассмотреть пакет с деньгами в собственной руке.

Выключив свет, Шелехов вернулся к двери:

– Ефимов, прекратите упорствовать! Вы начинаете напоминать небезызвестного героя Ильфа и Петрова!

– Какого? – спросил Ефимов, чтобы выиграть время.

– Корейко, – ответил оперуполномоченный и громко сказал: – Товарищи понятые, сейчас будем ломать дверь, за которой скрывается взяточник!

Понимая, что это не простая угроза и дверь действительно вот-вот взломают, Ефимов нашел в себе силы издать возглас:

– Сейчас!.. Брюки застегиваю...

Он наугад швырнул конверт в сторону журчащего сливаемой водой унитаза, нащупал задвижку. Зажмурившись от хлынувшего дневного света, он стоял в дверном проеме и даже не дышал.

Шелехов щелкнул выключателем, отстранил Ефимова. Сразу заметил сиротливо лежащий конверт с торчащими из него десятками, которые при падении рассыпались веером, но, тем не менее, проговорил, глядя, на начальника отдела снабжения:

– Прошу выдать полученные вами от Трошина деньги.

На лице Ефимова появилось полнейшее недоумение. Он снова принялся возиться с «молнией» на брюках!

– Какие деньги?.. О чем вы, товарищ?

– Старший оперуполномоченный ОБХСС, – представился Шелехов, предъявил удостоверение и повернулся к сварщикам: – А это понятые... Еще раз прошу выдать деньги.

– Вы ставите меня в нелепое положение, – дрожащим голосом ответил Ефимов. – Право же...

Рослый сварщик не выдержал, замахнулся:

– У-у, шкура барабанная!

От неожиданности Ефимов вздрогнул, втянул лысый череп в плечи, затравленно сверкнул глазами из-под вскинутой для защиты руки.

– Прекратите! – поймал понятого за запястье Шелехов.

Ефимов пришел в себя, взвизгнул:

– Это произвол! Вы за это поплатитесь. Сейчас не тридцать седьмой, чтобы вот так хватать!

Сварщик надвинулся на него.

– Заткнись!

– Вот видите! – почти радостно воскликнул Ефимов, поворачиваясь к Шелехову, но, встретившись с его давящим взглядом, стушевался, пробормотал: – Объясните, в конце концов, в чем дело?.. Все это так странно...

– Если вы отказываетесь добровольно выдать полученные в качестве взятки две тысячи рублей, придется их изъять, – отчеканивая слова, сказал Шелехов.

Брезгливо шевельнув ноздрями, он двумя пальцами поднял конверт, продемонстрировал понятым и обратился к Ефимову:

– Проводите нас в свой кабинет.

Опустив плечи и еле переставляя ставшие тяжелыми ноги, Аркадий Владимирович вышел из туалета, побрел к лестнице. Охватившее его опустошение было столь велико и звеняще, что он даже не посмотрел на Трошина, переминающегося в коридоре.

ГЛАВА 10

После нескольких рейсов, когда два подвальных этажа были забиты до отказа, а наверху гаража оставалось место лишь для того, чтобы втиснуть «Жигули», Землянский рассчитался с Авдеем, напомнил:

– Значит, договорились! Вагон под метелочку. Барабаны оставьте на месте, дверь закроете... И мы друг друга не знаем, никогда не встречались... Мужикам скажешь, что надул снабженец, сорвалась работа...

– Как скажешь, командир, – ухмыльнулся Авдей.

– Дохлый не проболтается? – озабоченно взглянул Землянский.

– Могила, – хмыкнул Авдей.

Землянский открыл багажник белых «Жигулей», вынул бутылку водки, сунул Авдею:

– Дохлому от меня, на опохмелку...

– Годится, командир, – благодарно сказал тот, пряча бутылку под брючный ремень и прикрывая рубашкой. – Так я потелепал?

Землянский молча кивнул.

Потом они с Сергеем закрыли гараж, долго курили. Догадываясь, что водителя разбирает любопытство, Борис Игоревич негромко проговорил:

– Дядя у меня в Узбекистане... Вот и прислал посылоч-

ку...

Сергей понимающе хмыкнул.

Произведя расчет и с ним, Землянский на своих «Жигулях» вернулся на станцию. Там он убедился, что Авдей слово сдержал – в вагоне не осталось никаких следов лука. Вздохнув, Землянский направился к товарной конторе, чтобы переадресовать возвратную тару кабельному заводу, как ошибочно поступившую не тому адресату. Он предвидел упреки в своей безалаберности со стороны и без того раздраженных работников станции, предвидел свои виноватые улыбки и признания в своей бестолковости, предвидел много суеты. Но вся эта суета сулила выгоду. Поэтому, когда Борис Игоревич открывал дверь товарной конторы, на его лице играла самая счастливая улыбка.

ГЛАВА 11

Юриисконсулыт Облучков сидел за столом и читал свежий номер журнала «Бюллетень министерств и ведомств». На круглом лице блуждало полусонное выражение, тонкие, покрытые веснушками пальцы плавно переворачивали страницы, рот юриисконсулыта походил на маленький, плотно закрытый кошелек.

Порыв сквозняка приподнял густую прядь вьющихся русских волос, на мгновение обнажив солидную плешь, которая этой прядью маскировалась, но Облучков привычно прихлопнул волосы ладонью, дождался, когда ворвавшийся в кабинет Шелехов закроет дверь, и лишь после этого убрал руку со своей макушки.

– Привет, Женька! – бросил оперуполномоченный, даже не удивившись встрече с однокурсником. – Позвонить надо срочно!..

Не меняясь в лице, Облучков придвинул к нему телефонный аппарат. Лишь его глаза, казавшиеся за толстыми, плохо протертыми линзами очков совсем крошечными и мутноватыми, засветились любопытством.

Шелехов зашуршал диском, бросил в трубку:

– «Скорая»?! Сердечный приступ!.. Ефимов. Пятьдесят восемь...

Назвав адрес монтажно-наладочного управления, по-дру-

жески подмигнул Облучкову:

– Как дела?..

Тот пожал покатыми плечами, стряхнул соринку с лацкана старомодного пиджака.

– Работаем... А ты чего это у нас бегаешь, «скорую» Ефимову вызываешь?

– Плохо ему, – коротко пояснил Шелехов.

– Это-то я понял... Довел старика? – укоризненно блеснул стеклами очков юрисконсульт.

Шелехов рассмеялся:

– По-моему, он просто хороший артист!.. А ты давно здесь? Если мне не изменяет память, ты на какой-то базе работал?..

– Третий месяц здесь.

– На что польстился?

Облучков с деланным, возмущением втянул подбородок:

– А чего это ты, Витька, меня допрашиваешь?! Ну-ка, слезь со стола, сядь на стул и объясни цель визита!

Если до этого Шелехов лишь привалился к столу, то теперь расположился на нем основательно и даже ножки скрестил.

– Взяточник ваш Ефимов, – сообщил он. – Вот и создал мне мороку.

Облучков хитро прищурился:

– Вот ты здесь развалился, болтаешь со мной, а я, может, его первейший соучастник и лучший друг? Заговорю тебе

зубы, а Аркадий Владимирович тем временем ноги в руки и...

– Не беспокойся, я не один... Мой напарник ни на секунду не отходит от больного, – ответил Шелехов и холодно посмотрел на Облучкова: – А ты не допускаешь мысли, что, зная о твоей причастности к преступлению, я просто-напросто играю с тобой в открытую, чтобы по старой дружбе толкнуть на явку с повинной?

Облучков опешил, сердито столкнул оперативника со стола:

– Ты такие шуточки брось!

И оба они рассмеялись.

Потом Шелехов рассказал старому приятелю, насколько это было позволительно, про заявление шабашников, про ситуацию в туалете. Облучков слушал внимательно, потом огорченно проговорил:

– Вот дурак!.. Надо было в унитаз и за ручку дернуть!.. Тогда бы он тебе здорово насолил. Ведь нырять туда его не заставишь, пришлось бы самому унитаз снимать!

– Да-а... С тобой опасно иметь дело, – отшутился Шелехов и поинтересовался: – Не женился еще?

– Лень, – откровенно признался Облучков.

– Ты, кажется, мой ровесник? – озадаченно взглянул на него Виктор Григорьевич. – Тоже с пятьдесят второго?

– Память у тебя хорошая.

– Чего ждешь? Моя дочь уже школу вот-вот заканчива-

ет...

– Хлопот много? – заботливо спросил Облучков.

Шелехов махнул рукой.

– Лучше не спрашивай! Какие-то долговязые с обесцвеченными губами до подъезда провожают... Жена с ума сходит.

– Мудрому никто, кроме его самого, не нужен, – наставительно произнес Облучков.

– Сам придумал? – проявил интерес Шелехов.

– Луций Анней Сенека!

– М-да... Хорош твой Сенека, – скептически заметил Шелехов.

Облучков покачал головой:

– Вечно ты, Витька, спешишь с выводами... Далее сказано: но хоть с него и довольно самого себя, иметь и друга, и соседа, и товарища ему хочется... Приходи сегодня часиков в семь, я тебя в шахматы надеру, папа что-нибудь поучительное расскажет... Можешь и в девять заявиться, я поздно ложусь...

– Постараюсь, – пообещал Шелехов и, глянув в окно, спохватился: – «Скорая»-то уже приехала! Пойду, а то, чего доброго, увезут без меня.

У дверей кабинета начальника отдела снабжения с печальными лицами стояли Трошин и Дмитрук. Шелехов подошел к ним:

– Врач появился?

Мужчины кивнули. Оперуполномоченный взглянул на них, проговорил:

– Спасибо, товарищи, вы свободны. Когда понадобится, следователь вас вызовет... Бригадиру о сегодняшнем дне рассказывать не обязательно, я сам с ним встречусь... Понятно?

Трошин отозвался:

– Понятно...

– Чего уж непонятного? – поддакнул Дмитрук.

– Тогда до свидания, – сказал Шелехов, входя в кабинет.

Ефимов лежал на выстроенных в ряд стульях и стонал с самым скорбным выражением лица. В изголовье больного пристроился младший коллега Шелехова, рыжеусый лейтенант Груничев. Врач «скорой помощи» – высокий черноволосый парень с золотой печаткой на безымянном пальце – что-то строчил за столом.

– Ну как? – склонившись к нему, поинтересовался Шелехов.

– Все в порядке. Я сделал инъекцию, – ответил тот и со смешинкой в глазах добавил: – Больше для профилактики.

– Допрашивать можно?

Врач задумался, но тут же уверенно кивнул:

– Конечно... Только, не очень пространно...

– Что, если я попрошу вас поприсутствовать?.. Тоже больше для профилактики?

Врач улыбнулся, посмотрел на часы:

– Ну, если для профилактики... Десять минут могу побыть.

Шелехов поблагодарил его, взял стул, и, уложив на колени папку с протоколом допроса, сказал, глядя на Ефимова:

– Нами возбуждено уголовное дело по факту вымогательства вами, гражданин Ефимов, взятки...

– Какая взятка?! – закатив глаза, простонал Ефимов. – Вы что?! Что вы такое говорите?!

– Понятые при вас подтвердили, что во врученном вам конверте находятся помеченные нами купюры...

– Бросьте вы... – умоляюще проговорил Ефимов. – Зачем делать из меня взяточника? Этак любое совпадение можно истолковать, как заблагорассудится... Я же зашел в туалет, чтобы справить нужду, – а там этот конверт... Разве я мог это предположить? Ну, сами подумайте!

– А как объяснить отпуск на сторону уголка и труб? – спросил Шелехов. – Насколько мне известно, ваше управление не занимается поставкой металлоизделий в совхозы.

– Неужели непонятно?! Это же элементарные вещи! – с печальным укором сказал Ефимов. – Я родился в деревне, там и вырос... У меня была бабушка, и вот она, когда я был еще совсем крохой, рассказывала мне сказки... В этих сказках говорилось о тяжелой доле русского крестьянства, о тяготах и лишениях, которые приходились на долю простого народа... Моя бабушка была для меня тем же, чем для Александра Сергеевича была Арина Родионовна...

Рыжеусый оперативник уставился на начальника отдела снабжения с откровенным любопытством. Прислушивавшийся к разговору врач, чтобы не прыснуть смехом, прикрыл рот ладонью. Шелехов едва сдержал улыбку. Однако Ефимов, смежив веки, продолжал тем же жалобным голосом:

– Она и привила мне любовь к крестьянству... Всегда я чувствовал свой неоплаченный долг перед деревней. Это усугубилось еще и тем, что сам-то я не остался в деревне, уехал в город... И вот при любом удобном случае я оплачивал свой долг, помогал деревне, как только мог, насколько это было в моих слабых силах... Поэтому я пошел на отпуск металла этому совхозу... Слабость, как понимаете... Ностальгия...

– Туалет рассчитан на одного человека, – негромко проговорив Шелехов, пробуя применить последнее средство убеждения.

– Что? – довольно живо приподнявшись на локте, спросил Аркадий Владимирович.

– Я говорю, какая была необходимость заходить в туалет вместе с Трошиным? Унитаз-то всего один!

Лицо Ефимова осветилось лучиком слабой надежды и от этого приняло простодушное и глуповатое выражение.

– А может, это он обронил деньги?

– Он вам их передал, – жестко бросил Шелехов и обернулся к врачу: – Этот гражданин годен по состоянию здоровья для пребывания в следственном изоляторе?

– Вполне, – без тени сомнения ответил врач.

Шелехов снова посмотрел на псевдобольного:

– С этой минуты вы можете считать себя задержанным по подозрению в совершении преступления... Пока вас отправят в изолятор временного содержания. Потом следователь, которому передадут ваше дело, изберет вам меру пресечения.

– Позвонить позволите?

– Вашим родственникам я позвоню сам.

Ефимов положил руки на сердце, всем своим видом демонстрируя, как грустно и тяжело ему столкнуться с такой вопиющей несправедливостью.

ГЛАВА 12

Тусклый свет спрятанной в зарешеченном колпаке лампы и тупая тишина, какая бывает лишь в подвалах да на том свете, не мешали думать. Напротив, мысли текли, приобретали осязаемую округлость. Им не мешали ни звуки дождя, ни палящие лучи солнца, ни телефонные звонки, ни неожиданные визиты. Только вот спина стала такой же деревянной, как и крашенное густо-коричневой краской дощатое ложе, на котором предавался размышлениям Ефимов. Он сменил позу.

Спрашивается, зачем всю жизнь суетился?.. Дачку отстроил – посмотреть любо-дорого. Для себя строил, чтобы на пенсии там жить, а не городским воздухом прокопченным дышать... А теперь? Конфискуют, поди, к чертовой матери... А на него наденут черную курточку, такие же брюки, сапоги кирзовые, на карманах куртки прямоугольничек из кожзаменителя нашьют: «Ефимов А. В. отряд №... бригада №...» Как-то приходилось ему по своим снабженческим делам в колонии побывать, видел тамошние порядки... Сколько же ему дадут?.. Пять?.. Десять?.. Могут и все двенадцать... Значит, когда он выйдет?.. Э-хе-хе... Лет в семьдесят... Вернется в дом без гарнитуров. Да и на кой черт они нужны – гарнитуры? Пыль с них стирать... Дачи жаль... Строил-то, чтобы старость провести. Клубничку бы выра-

щивал, смородину всякую... Корень золотой еще можно было посадить. Полезно, говорят, настой пить... Хорошая дача, хорошая... Все предусмотрел. Стены из бруса «на двадцать» – зимой не замерзнешь. Да и печь кирпичная для тепла, а для души – камин... Столовая, две спальни, кабинет с этим самым камином. Зачем ему кабинет понадобился? Не собирался вроде мемуары писать. Да и о чем писать-то? Как все нажил? Почитать такое охотники найдутся, но ведь печатать-то никто не будет. Да и не стал бы писать. Что он, следовательно, что ли? Это их заботы – составлять жизнеописания таких, как он... А он как разведчик! Много чего знает, но никогда никому не расскажет, пусть хоть пытаются... Вообще-то, если честно, боли он боится... Если бить будут, все признает... Говорят, только на Западе в полиции бьют, а у нас ни-ни... Хорошо бы, если так... Кто же его продал? Неужели эти два шабашника-дилетанта?.. Понятно, что Трошина подставили... Но вот когда? Что, если все заранее было подстроено? Подумать страшно... Может, бригадир?.. Сволочь-то еще та... Но, с другой стороны, сколько раз пользовался услугами... Почему сам-то не приехал? Заболел или только прикинулся хворым? А вдруг он звонил не из больницы, а из кабинета этого мента? Вдруг весь разговор на магнитофон записан... Дохлый номер! Не такой Ефимов дурковатый, чтобы в открытую по телефону лепить. Неискушенный ничего и не понял бы из их беседы. Равным счетом ничего... Нет, надо молчать, свое гнуть... Пусть они ему свои

kozyри выкладывают, а он подумает... Они молодые, приткие, их сроки расследования прижимают, на них начальство давит... А Ефимову что? А ничего – сиди да сиди... Он подождет, ему спешить некуда. Срок все равно идет, как утверждают опытные товарищи-граждане... Про вагон бы не пронюхали, вот ещё заботы-то... Нет... Тут дело чистое... Хреново, что груз должен вот-вот подойти, если уже не поступил... Откроет кто-нибудь вагон и... Пошла писать губерния... Как начнут раскручивать!.. А он-то при чем? Попробуй доберись до него! Шиш! Да и поставщики, надо полагать, не идиоты... Ну, выйдут на них, что, расколются, что ли?! Южные люди. Их труднее разговорить. Они свою выгоду знают... А вагон-то вот-вот придет... Что-то предпринимать надо... Вот черт! Что он может-то из этого... узилища! Ни шапки-невидимки, ни сапог-сорокоходов, ни этого... кресала?.. Нет, огнива, чтобы кобеля какого-нибудь послать с известием...

Ефимов заерзал на досках, снова перевернулся на спину. – Остается одно – молчать и ждать... Ждать и молчать... Хоть сдохни... Про Арину Родионовну он здорово ввернул, к месту, главное... Ушастый лейтенантишка аж рот раззявил... С майором хуже. Тертый калач, зря большую звезду не дают, выслужился на таких, как он, Ефимов... Так своими глазенками-шилами в душу и залазит... И нос длинный, как у Буратино... Таким носом только и соваться куда надо и не надо! М-да... Странно все как-то устроено... странно...

Вчера все было. Сегодня – ничего. Ремень из брюк и тот вытащили... Он его в Болгарии покупал, на Золотых песках... Хорошо там... «Плиска» дешевая, «Златый бряг»... Бабешки безмужние, тоскующие... Хорошо, хоть в этом изоляторе ходить-то особенно некуда... А то бы придерживал штаны локтями... Все удобства тут... Параша вот стоит... чистенькая, хлорной известью присыпанная... Черт ее знает, может, и не надо было... всего этого? Сидел бы на своих ста семидесяти плюс премия. Домик бы садовый из рухляди соорудил, как его сосед Иван Борисович... Этот ни дать ни взять кум Тыква... Вроде главным инженером проекта в каком-то институте... Башковитый мужик! Очки налепит, журнал в зубы и сидит перед своей халупкой... Ничего его не волнует: ни сорняки, ни урожайность, ни чего соседи про его избенку скажут... И жена его, говорят, сама себе платья всякие шьет. И ничего, живут, не жалуются... Вагон придет, меня нет... Плохо... Чего-то там, на верхах, не продумали... Людей так воспитывать надо, чтоб малым довольствовались... Без излишеств... А то... Телевизоры цветные по семьсот-восемьсот рублей, радиоаппаратура по две-три тысячи, гарнитуры по восемь... А машины сколько стоят?! То-то! И все хочется, и всего хочется! А зарплата-то?! Вот оно – противоречие между трудом и капиталом... Воспитывать надо, воспитывать... Не сидел бы он тогда в этом подземелье на втором этаже... Честным был бы... А... Крутишь-выкручиваешь, потом – бац! хлоп!.. Закрыли чемодан, замочками щелкнули...

Сиди теперь, Аркадий Владимирович! И на кой бес ему все это надо было?!

От охватившей его тоски Ефимов невольно застонал.

– Ты чё, папаша? – заворочался, проснулся сосед по камере.

Сутки Ефимов в камере сидел один. То ли никого не задерживали, то ли опекавшие его милиционеры позаботились об его отдыхе. Парнишку этого – лет семнадцати, пухлогубого, с волнистым чубом – подселили вчера вечером. Он только пьяно плакал и не мог сказать ничего вразумительного. И сегодня все утро спал как убитый, даже не завтракал.

От едкого перегара, пахнувшего на него, Ефимов поморщился, чуть отодвинулся.

– Давай, папаша, знакомиться, – предложил сокамерник. – Меня Лешкой зовут. А тебя?

– Аркадием Владимировичем.

– Меня за драку забрали, а тебя? – сообщил парень, но ответа не стал ждать, продолжил: – Нажрались мы на дискотеке. Чья-то физиономия не понравилась... Пластаться стали. Чё по чем, я так и не понял... Кажись, из-за девчонок завязалось...

– Кто же вам спиртное продал? – с ноткой возмущения спросил Ефимов. – Видно же, что нет двадцати одного! И дают вино!

– С вина бы меня так не растащило, – с унылой рассудительностью отозвался парнишка. – Колян бражку поставил.

Вмазали, сначала вроде и ничего, а потом крыша поехала...
Ничё не помню... Вот ужрались!

Ефимов посчитал необходимым одернуть парня:

– Где ты только таких слов нахватался?!

– А чё? – непонимающе посмотрел Лешка. – Нормально говорю, не матерюсь же...

Ефимов вздохнул. Лешка немного подумал и обиделся:

– А ты, папаша, чего мораль читаешь? Сам, поди, ни за что сюда попал?

– В том-то и дело...

– Как это? – удивился Лешка.

– Понимаешь, Алексей, – усаживаясь на нарах, чтобы видеть собеседника, веско проговорил Ефимов, – во всякой работе бывают ошибки. И в работе правоохранительных органов тоже...

– Это кто – правоохранительные? – переспросил парень.

– Ну, в работе милиции... Они же тоже торопятся, план их поджимает...

Парень взглянул недоверчиво:

– Какой план?

– По преступности, – не моргнув глазом, пояснил Ефимов. – Начали, к примеру, бороться с нетрудовыми доходами. Приходит им разнарядка – арестовать столько-то расхитителей, столько-то взяточников. Вот и арестовывают... Начальство давит: давай, давай! И спешат обэхээсники, спешат... Хватают всех подряд, ошибаются.

Лешка выпятил губу:

– А ты, папаша, кто – расхититель или взяточник?

– Я по ошибке сюда попал! – с досадой повторил Ефимов. – Понимаешь?! По о-шиб-ке-е!

– Да ты, папаша, не обижайся, – смутился Лешка. – Я спросить хотел, чего на тебя вешают. И все...

– Обвиняют меня в том, что я якобы... Смех, да и только!.. Что якобы я вымогал взятку, – с горечью глядя в потолок, ответил Ефимов. – Какой-то идиот обронил в сортире деньги, я зашел туда, чтобы отлить, не успел ширинку расстегнуть, ломятся. Заходят, показывают на пол. Смотрю, конверт...

– Может, подстроили? – быстро предполагает Лешка.

Ефимов смотрит на него осуждающе:

– Я верю в нашу милицию... Просто произошла роковая ошибка... Да. Роковая ошибка...

Беседу прервал скрежет отодвигаемого засова. Распахнув дверь, сержант окликнул:

– Манютин! Очухался?

Лешка торопливо кивнул:

– Ага!.. А чё?

– К следователю! – сказал сержант.

Лешка засуетился, сполз с нар, успел шепнуть Ефимову:

– Чего говорить-то?

– Правду, Алексей, только правду, – с пафосом напутствовал Ефимов.

Всовывая ноги в лишенные шнурков кроссовки, Лешка

огорчился:

– Не помню же ничё... Хоть убей.

– Так и объясни. Вину всегда признавать надо. Люди зря наговаривать не станут, – больше для сержанта, чем для сокамерника, сказал Ефимов и назидательно закончил: – Кайся, Алексей.

– Ага, – кивнул тот.

Когда минут через двадцать он вошел в камеру, лицо его было донельзя довольным. Дверь закрылась, и он сообщил:

– Под подписку следователь отпускает! Прокурор санкцию на арест не дал, говорит, пусть лучше в армию осенью идет.

– Вот видишь, – раздумывая над этой информацией, проворкотал Ефимов.

– Ну... Я, оказывается, только и успел, что одному малолетке по сопатке съездить. И все! Сказал, мать должна за мной приехать. Как приедет, так выпустят...

– Рад за тебя, Алексей! – улыбнулся Ефимов, потом пригнул парня к себе: – Слушай, окажи маленькую услугу. Меня тоже скоро освободят, в долгу не останусь... Сбегай на рынок, там в «Бюро добрых услуг» племянница моя работает, Леной зовут. Передай, где меня видел, скажи, что я вот-вот должен был посылку с луком получить от родственников из Узбекистана, она знает... Пусть сходит на почту, уломает начальство, чтобы ей выдали. Как бы не протух лук, не испортился. Запомнил? Сделаешь?

Слегка озадаченный подобной таинственностью, а главное, жаром, с каким звучала простенькая просьба, Лешка мотнул головой:

– Не бойсь, папаша, схожу.

ГЛАВА 13

Землянский прохаживался по колхозному рынку. Весь вчерашний день он провел как на иголках, однако никаких проблем из-за вагона не последовало. Все было тихо и мирно. Поэтому он сегодня и явился на рынок. Заполненный мешками с луком гараж не давал покоя. Землянский прохаживался между прилавками, и его респектабельная внешность и неторопливая походка внушали уважение, наводили на мысль, что такой человек торговаться не будет и если положит на товар глаз, обязательно приобретет. Поэтому и слышались со всех сторон предложения. Похожий на аб-река горбоносый парень ненавязчиво упомянул, что такого вкусного и сладостного винограда, как у него, на всем базаре не найти. Старик с глазами и бородой мудреца молча продемонстрировал самое сочное яблоко, предварительно придав ему особый блеск засаленной полкой пиджака. Веселый, как сотня массовиков-затейников, торговец арбузами принялся убеждать в очевидной истине – самые сахарные арбузы – семипалатинские.

Землянский не клюнул ни на семипалатинские арбузы, ни на сочные яблоки, ни на сладостный, как выразился горбоносый, виноград.

Он пришел не покупать, а сбывать.

И его интересовал лук. Горький и едучий лук.

Наконец он обнаружил прилавок, на котором горами и горками, шелушась под легким ветерком, лежали крутобокие среднеазиатские луковицы. Внимательно приглядываясь к ценникам, начертанным не очень умелой, но зато не страдающей от недостатка уверенности рукой, Борис Игоревич прошелся вдоль рядов, и его глаза сытно и удовлетворенно заблестели.

Он вторично двинулся вдоль прилавка. Теперь уже он изучал не цены, а лица продавцов. Зрелище это его откровенно разочаровало...

– Колхозники, – досадливо процедил он, дойдя до конца прилавка.

Однако, действуя по принципу «за спрос денег не берут», подошел к нескольким торговцам и с самой конфиденциальной физиономией полюбопытствовал, нет ли у них желания приобрести по сходной цене энное количество лука. Как Землянский и предполагал, такого стремления они не выказали. Торговцы лишь разводили руками, вздыхали и сетовали на то, что им давно пора возвращаться домой к родным и близким, а они все никак не могут распродать свой товар.

– Стоять некогда, так в коопторг или в «Бюро добрых услуг» сдали бы? – уже раздражаясь, бросил Землянский круглолицему, с ленивым прищуром продавцу.

Тот взглянул не очень дружелюбно, и хотя Борис Игоревич догадывался, что сдать товар в бюро не так-то просто, все же продолжил:

– Быстро, выгодно, удобно!

Прищур продавца стал еще более злым, он вырвал из рук Землянского буро-сиреневую луковицу и сердито воскликнул:

– Что пристал?! Что нада?! Иди давай! Тебе нада, ты и сдавай! Что меня просишь?! Тебе нада...

Понимая, что переборщил, Землянский миролюбиво улыбнулся:

– Я побыстрее хотел, вот и обратился к вам...

– Побыстрее... – успокаиваясь, проворчал круглолицей. – Мне тоже нада... Торчу здесь, торчу... Домой нада...

– А в бюро пробовали?

– Пробовали... Элен на тебя смотрит... смо-отрит... смотрит! И чего смотрит? Не нада лук, скажи: «Не нада». А она смо-о-трит...

– Не принимает, значит, – с деланным сочувствием проговорил Землянский.

Подозрительно прищурившись, продавец не заметил подвоха, с горечью сказал:

– Не принимает. Посмотрит, посмотрит, потом повернется своей задницей... Не нада ей лук... Склад, говорит, не резиновый...

– Может, ее заточить? – вопросительно пошуршал пальцами Землянский.

– Если нада, скажи сколько... А она смо-отрит!.. Думает, из Средней Азии, так у нас рубли длиннее, чем у нее... Про-

бовал я предложить... Не нада, говорит, чего с бумажками лезешь... И так смотрит, будто сейчас бэхээс вызовет...

– Честная, – язвительно скривился Землянский, надеясь, что разговорившийся собеседник обронит какие-нибудь отнюдь не бесполезные сведения о таинственной Элен.

– Нашел честную! – буркнул тот и, всем своим видом давая понять, что продолжать разговор не намерен, стал перекладывать луковицы.

Однако беседа с ним укрепила уверенность Землянского в правильности выбранного пути. Спустя несколько минут он входил под своды рыночного павильона.

Очереди у прилавка «Бюро добрых услуг» не было. Легкой, радостной походкой Землянский приблизился к прилавку. Таким же радостным было и выражение его лица, а глаза смотрели на Ситникову так, словно он встретил давно и прочно забытую первую любовь и вот-вот бросится в ее объятия. Все это показалось Елене Николаевне настолько забавным, что она даже слегка опешила и, удивленно изогнув брови, следила за приближением незнакомца.

– Добрый день! – элегантно изгибая спину, прокурлыкал Землянский, мысленно отмечая, что из-под белого халата Элен виднеется платье если и не от Диора, то, во всяком случае, от «Монтаны» и что внешность этой женщины располагает не только к деловому общению.

Карие, с поволокой глаза Елены Николаевны не без инте-

реса разглядывали Землянского, но она молчала, ждала объяснений столь дружеского тона. Землянский проникновенно сказал:

– Элен, я хотел поговорить...

Подобное обращение позволило Ситниковой сделать безоговорочный вывод о том, что перед ней человек, знающий ее через какие-то рыночные связи. В общении со своими знакомыми она никогда не разрешала называть себя этим, хотя и экстравагантным, но, как ей казалось, довольно «моветонистым» именем. Имя это рождало невольные ассоциации с Элен из незабвенного романа Л. Толстого «Война и мир». Ситникова не очень хорошо помнила его содержание, так как это объемистое произведение в первый и последний раз читала то ли в восьмом, то ли в девятом классе, но зато ясно представляла сцену из кинофильма, где эта гордячка Элен издевалась над престарелым Пьером Безуховым (в исполнении Бондарчука)... Пьера Елене Николаевне было всегда жалко – весь он какой-то затюканный, а в целом-то, вполне порядочный мужик. Попадись ей такой, она бы его на руках носила. Ему бы даже работать не надо было. Но в наше время таких мужиков днем с огнем не сыщешь. Что-что, а это Ситникова знала наверняка. Поэтому она и продолжала изучать улыбающегося Землянского, расценивая его как недурной экземпляр нынешней породы мужиков, от которых ждать ничего особенного не приходится, но и бросаться которыми не самый лучший выход.

– Элен... – уже тише и вкрадчивее повторял Борис Игоревич. – Такая история приключилась... На вас вся надежда. Ситникова молча ждала продолжения.

– Товарищ у меня, вторым пилотом летает. Был в Средней Азии, хлопкоробам помогал за урожай бороться, какую-то гадость разбрызгивал... Заодно и прихватил несколько мешочков луку... Стесняется сам-то торговать... Решили вот к вам обратиться, чтобы растолковали, каким макаром лук этот на комиссию сдать в ваше бюро...

Видя, что Ситникова продолжает молчать, Землянский покосился через плечо, многозначительно добавил:

– По роду своей деятельности я, так сказать, снабженец... Кафель с цветочками, обои финские, эмаль всевозможная... Если интересуетесь, организуем...

У Елены Николаевны все это было и без него, в том числе и возможность поймать кое-что за услуги, связанные с реализацией лука, однако, верная своему принципу не проходить мимо валяющейся на полу копейки, она мягко спросила:

– Сколько вы хотите сдать лука?

Понимая, что в рассказе о приятелях – вторых пилотах, женщина не поверила, Землянский не смутился, чтобы из ответа не было понятно, шутит он или говорит серьезно, сказал:

– Вагон.

Однако с предосторожностью он переиграл. Ситникову

всегда раздражала излишняя скрытность в партнерах. Елена Николаевна устала от нее за время общения со старым конспиратором Ефимовым. Холодным тоном она произнесла:

– Вагонами не принимаем.

Сделав вид, будто не заметил этой холодности, Землянский задумчиво поглядел на высокую, чуть полноватую шею Ситниковой и проговорил лирическим баритоном:

– У меня сегодня юбилей... Пять лет, как я холост. Согласитесь, это дата! – Он перевел взгляд на лицо Елены Николаевны и предложил простецки: – Что, если мы с вами по этому случаю посидим в ресторане? Может, чем вкусным накормят... А то я на холостяцкую яичницу смотреть не могу...

– В следующий раз, – твердо, но не настолько, чтобы можно было воспринять отказ как окончательный на все последующие годы, ответила Ситникова.

– Все! – рассмеялся Землянский. – Обиделся я!.. Если еще как-нибудь заскочу, не прогоните?

Ситникова с удивлением отметила, что за время этого непродолжительного разговора успела даже как-то и привыкнуть к этому человеку. Не скрывая внезапно возникшей приязни, улыбнулась:

– Не прогоню.

ГЛАВА 14

Лешка, когда его освободили из изолятора временного содержания, радовался самым обыкновенным вещам: горячему летнему воздуху, шуму автомашин, запаху разогретого асфальта, ворчанию матери... Он был настолько поглощен всеми этими ощущениями, что вспомнил о просьбе соседа по камере только на второй день к вечеру. Поводом к воспоминанию послужило то, что, направляясь к приятелю, Лешка вышел из автобуса как раз напротив колхозного рынка. Выругав себя за бесчувственность и эгоизм, он почти бегом кинулся в павильон.

Ситникову он застал за подсчетом дневной выручки.

Елена Николаевна, не поднимая головы, почувствовала чей-то взгляд и, продолжая шелестеть купюрами, попросила:

– Подождите минуточку.

Но ждать Лешке было некогда. Он деловито придвинулся к прилавку и пробасил по-юношески ломким голосом:

– Я по поручению вашего дяди.

Ситникова оторвалась от своего занятия, пристально взглянула на него:

– Не понимаю... О каком дяде ты говоришь?

– Вас Леной зовут? – смутился парень.

– Да-а... – кивнула Ситникова.

– Тогда, значит, мне вас и надо.

– Я не поняла, – осторожно сказала Ситникова. – По чьему поручению ты пришел?

– Вашего дяди, – небрежно проговорил Лешка. – Мы с ним в одной камере сидели... Вот он меня и попросил...

– Кто попросил? – стараясь не выказать своей растерянности, негромко произнесла Елена Николаевна.

Лешка принял ее колебания за тревогу:

– Да вы не бойтесь! Аркадия Владимировича тоже скоро отпустят. Я вон по делу залетел, и то на свободе...

Выбирая манеру поведения, Ситникова молчала. Лешка не обратил внимания на нюансы поведения, солидно кашлянул:

– В общем, так... Дядя просил передать, чтобы вы сходили на почту, ему посылка с луком должна прийти, так вы упросите, чтобы вам отдали, а то протухнет... Ясно?

Елена Николаевна слушала, опустив глаза, а когда парень закончил фразу, подняла недоумевающий взгляд. Скованно улыбнулась:

– Извини... Но, наверное, ты ошибся. У меня нет никакого дяди... Тем более Аркадия Владимировича...

– Как нет?! – опешил Лешка.

– Очень просто... Не было никогда, и нет.

– Так он же сказал?! – начал было Лешка.

Но Ситникова прервала:

– Не было!

– Вы Лена? – озадаченно вытаращился парень.

– Да, – сдерживая раздражение, ответила Елена Николаевна.

– Может, с вами еще какая-нибудь Лена работает?

Ситникова демонстративно скосила глаза на деньги, от пересчета которых ее оторвали, и тихо сказала:

– Не морочь мне, пожалуйста, голову, мальчик! Иди, куда шел.

От обиды Лешка задохнулся:

– Ну ты!.. Тетенька!.. Сама иди!..

Закрыв стеклянное окошко, Ситникова перестала обращать на парня внимание, и он, ругнувшись в душе, оскорбленно удалился.

Елена Николаевна опустилась на стул. Стоять, а тем более считать деньги она была не в состоянии. Она просто тупо смотрела на затертые множеством рук засаленные купюры.

Немного придя в себя, Ситникова презирала всех баб, и в том числе Елену Николаевну Ситникову. Надо же было так растеряться! Даже не догадалась спросить у мальчишки, за что арестовали Ефимова... Если за лук, то... Что же делать?! Что?! Сидеть и ждать, когда заявится ОБХСС?.. Нет... Нет, нет! Этого не должно случиться, не должно! Ефимов – старый хитрец, конспиратор...

Но губам Ситниковой скользнула горькая усмешка, и вместе с ней пришло убеждение, что все-таки Ефимов не должен ее выдать. Не должен!.. Хотя бы потому, что ему не выгодно. Зачем он сообщил через мальчишку о посылке?.. Яс-

но, что это вагон... Ефимов просит его перехватить. Но каким образом она может это сделать, каким?.. Нет, в отчаяние впадать рано, да и нельзя. Надо взять себя в руки, сосредоточиться, подумать... Раз, два, три, четыре, пять... Если он просит «получить посылку», значит, сел не за это. Это уже хорошо. Видимо, боится, как бы вагон не попал в чужие руки, а из них – в ОБХСС... Надо что-то предпринимать... Вызволить вагон. Пролет вышел, ой, какой пролет!.. Как заполучить этот проклятый лук?.. Что она может?.. На данном этапе должна сделать одно – хотя бы узнать, поступил ли он. Но ведь ей неизвестен грузоотправитель. Ефимов, будучи верным своему принципу строжайшей конспирации, ни разу не проговорился, откуда к нему идет лук. Впрочем, она и не спрашивала. Она и так видела, что лук среднеазиатский, уж в чем в чем, а в сельхозпродукции она разбирается, хотя и закончила институт по промышленным товарам... Положим, она выяснит, что вагон поступил. Дальше-то что? Кто ей его выдаст?.. Надо искать выходы на работников товарной конторы.

От чувства бессилия и давящей безысходности на глаза Елены навернулись слезы... Что делать? Что делать?.. Всю жизнь она рассчитывала только на себя, а этот внезапный и страшный арест Ефимова заставил понять, что наступило время, когда она сама ничего сделать не может. Ничего... Елена Николаевна ощутила себя слабой, одинокой женщиной... Не обращаться же к бывшим мужьям. Плевать они на

нее хотели... Ефимову хорошо! Сидит себе спокойненько в камере и в ус не дует! А ей теперь расхлебывать заваренную им кашу! Черт старый! Втянул, а сам в кусты! И без него неплохо жила, не на одну зарплату перебивалась. Имелся верный доходец... Так нет, нарисовался, насулил золотые горы. Дура набитая, а еще считала себя умной и ловкой деловой женщиной! Дура, дура, дура... Хотя, конечно, с лука доход приличный... Можно работу бросить и жить в свое удовольствие лет пять-восемь... Но ведь деньги такая вещь, что сколько ни есть, все мало, мало... Вот и ввязалась в ефимовский бизнес... Вагоны, вагоны... Нет, надо срочно искать человека... Такого, чтобы смог отыскать проклятый вагон. Чтобы смог его заполучить... А если?.. Так, так... Кажется, тепло... Даже горячо...

От пришедшей мысли лицо Елены Николаевны оживилось. Она поднялась, нервно шагнула к окошку, отдернула занавеску, словно надеясь, что у прилавка стоит тот самый улыбчивый снабженец, который все может, но пока не в силах избавиться от своего лука... Специалист по луку! Отлично, Елена, отлично!.. Господи! Но ведь она дала ему от ворот поворот!

Елена Николаевна закусила губу, стиснула руки... Нет, нет... Он придет, он должен прийти. Он даже хотел заглянуть. Он определенно заглянет. Раз обратился с такой просьбой к ней, незнакомому человеку, значит, иных выходов для реализации товара не имеет... Придет. Обязательно придет.

ГЛАВА 15

Землянский пришел в понедельник. Три дня, разделяющие визит парня и это появление Землянского, прошли для Ситниковой в тягостном ожидании. Она стала раздражительной, резкой с покупателями. Когда кто-нибудь желал воспользоваться услугами бюро, она с холодной злостью отвечала, что у нее забит склад и принять хотя бы грамм винограда или арбузов просто не в ее силах. Раз пять подходил Рафик, надеясь подкормиться за счет бюро, и всякий раз, озадаченный ее свирепым видом, возвращался ни с чем. Пожимая плечами, с язвительным сочувствием говорил соседям по прилавку: «Совсем Элен с ума сходит. Злая, как свора сучек... Мужика ей двужильного надо, тогда отойдет».

Ситникова уже начинала подумывать обратиться за помощью к Рафику, но, надеясь на появление улыбчивого снабженца, сдерживала себя. Все-таки Рафик был не той фигурой, кому можно поручить столь ответственное дело. Мелочен и недалек. Да и физиономия чересчур говорящая, доверия не вызывает. Достаточно мимолетного взгляда, чтобы заподозрить, что живет Рафик на нетрудовые доходы, а про трудовые и слыхом не слыхивал. Один перстень-печатка чего стоит! Разве здравомыслящий человек нацепит такую шайбу? С его наглой мордой только и всовывать с дешевыми комплиментами и прибаутками цветочки в руки обалдев-

шим студенткам, скинувшимся по полтиннику на букет для преподавательницы.

Все эти дни взгляд Ситниковой то и дело обращался в сторону входа. И когда Землянский появился, она не смогла сдержать радостной улыбки. Однако тут же сделала вид, будто и не заметила его.

Землянскому показалось, что продавец бюро посмотрела на него как-то по-особенному, однако этот взгляд был столь мимолетен, что он отнес его за счет хорошего настроения женщины. Не все же стоят за прилавком с кислыми физиономиями. Борис Игоревич давно уже сделал для себя вывод: дела гораздо легче решать, когда партнер в добром расположении духа. Поэтому его походка стала еще более легкой, и к окошечку «Бюро добрых услуг» он приблизился с самой располагающей улыбкой.

– Добрый вечер, – склоняясь к окошечку, проворковал он, намеренно избегая обращения «Элен», которое, как он помнил, в прошлый раз несколько покорило женщину.

Елена Николаевна с деланным удивлением подняла голову, некоторое время смотрела на него, словно не узнавая и пытаясь припомнить, где видела.

Землянский сокрушенно развел руками:

– Вот вы и забыли меня! Хотя немудрено, мы же так и не познакомились! Меня зовут Борис Игоревич... Мимо пробежал, решил заглянуть.

Ситникова улыбнулась:

– Ну что ж, раз вы появились, давайте знакомиться... Елена Николаевна.

Землянский огляделся по сторонам, заговорщическим шепотом, но с самой милой улыбкой поинтересовался:

– Можно Леночкой?.. От отчества я так устаю на службе... И вы меня запросто Борисом зовите. Лады?

Ситникова не была сторонницей столь быстрого сближения и в другой ситуации осадила бы его, однако сейчас она боялась одного – как бы улыбочивый снабженец не испарился.

– Если вам так удобно... – негромко ответила она.

Хотела спросить, не изменились ли планы насчет лука, но воздержалась и лишь мягкой улыбкой дала понять, что они уже почти друзья.

Землянский чутко отреагировал на несколько неожиданное для него изменение в отношении к нему этой красивой женщины. От мысли, что он понравился ей, Борис Игоревич был далек, поэтому сразу стал искать другое, более приемлемое и прозаическое объяснение подобной метаморфозы. Понимая, что одного хорошего расположения духа для столь разительной перемены явно недостаточно, он здраво рассудил, что ее заинтересовало предложение насчет лука.

– Леночка, я ведь так и не сходил поужинать, – проговорил Землянский. – Одному не с руки, грустно... Пошел домой и съел целую сковороду яичницы. С тех пор только ею и питаюсь... Может, все-таки составите компанию?

Ситникова взглянула на часы:

– Рабочий день еще не кончился...

Это не было отказом. Землянский оживился:

– Прекрасно! Я съезжу, договорюсь насчет столика, отгоню машину в гараж, и за вами... Идет?

Не желая показаться навязчивой, Ситникова неопределенно приподняла плечо. Борис Игоревич торопливо проговорил:

– Решено! Через час двадцать я подбегу.

ГЛАВА 16

Гремела музыка, дурашливо повизгивали девицы за соседним столиком, сновали официантки.

Елена Николаевна почти не слушала того, о чем рассказывал Землянский. Он говорил много, смешно, и ей даже удавалось вовремя улыбнуться его очередной шутке. Но нечто подобное, хотя и из других уст, она слышала много-много раз... Чтобы искренне веселиться, ей не хватало беззаботности, без которой невозможно быть благодарной слушательницей таких вот никчемных и при этом совершенно необходимых бесед, когда уже выпито определенное количество коньяка и бутылка шампанского...

Землянский видел грустные глаза женщины. Это немного озадачивало. Один раз у него даже мелькнула шальная мысль – не влюбилась ли Ситникова в него. Но он тут же отогнал эту мысль как вздорную и излишнюю, учитывая, что его жена весьма болезненно реагировала на любые задержки супруга после работы... И вообще, он давно взял себе за правило не вступать в близкие отношения с одинокими женщинами. С ними всегда сложнее. Только и жди, что начнутся намеки на какие-то мифические беременности, а то и того хуже – на создание совместного очага. С замужними проще. Как правило, они находятся под бдительным присмотром мужей, и если идут на связь с приглянувшимся мужчи-

ной, то довольствуются малым: встречами в обеденный перерыв, на часок, но не больше, после работы... Им еще в магазин надо успеть! Но самое главное, что нравилось Землянскому в таких интрижках, это то, что замужние дамочки никогда не помышляли о коренных изменениях в своей судьбе. Семья есть семья. Ячейка общества... Тут никуда не денешься... Ситникова же, как Борис Игоревич понял, была как раз той женщиной, с которой всяческие интимные отношения могли оказаться чреваты последствиями. Поэтому он вел разговор легкий, безо всякого нажима и намеков на что-то большее, нежели деловые дружеские связи.

Ситникова никак не решалась перевести надоевшую беседу в нужное русло. Мешали гремящая музыка, продолжавшие повизгивать девицы, неумоимо курсирующие от кухни к столикам официантки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.